

9. Шкловский В. Б. Художественная проза. Размышления и разборы. – М., 1981.
10. Большой энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 25.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «МОЛЧАНИЕ – ГОЛОС» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Р.М. РИЛЬКЕ¹

© Володина Д.Н.*

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск

В статье исследуются способы репрезентации понятий «голос» и «молчание» в русскоязычном творчестве Р.М. Рильке – письмах и поэтических произведениях. Описываются способы актуализации ключевых концептов «молчание / тишина», «голос» и «язык», анализируются особенности их формирования и образного наполнения.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, лингвокогнитивный уровень, языковая личность, дискурс, Р.М. Рильке, диалог культур.

Ключевыми понятиями картины мира Райнера Марии Рильке являются «молчание» и диалектически связанные с ним «голос» и «язык», которые нашли отражение в его немецкоязычном творчестве и русских произведениях. В структуре языковой личности Рильке данное концептуальное единство объединяет в себе противоположные смысловые планы: «тишина», «молчание» означают невозможность и неспособность творческого самовыражения художника, но в этой тишине зарождается новое поэтическое слово, язык.

Молчание, считал Рильке, тяжело переживается художником, творцом, несмотря на то, что это один из этапов творчества. Эту мысль он высказал в августе 1900 г. в письме о русском искусстве, адресованном С.Н. Шиль: *«Крамской не хотел быть художником, но он был человеком, и это богатство с молчанием доносить ему было невозможно. Да, он любил, и любить больше чем другие любят, это всегда значит: быть художником»* (здесь и далее в оригинальных текстах сохранена орфография Рильке) [4, с. 305]. Концепт «молчание» входит в концептуальный ряд главного образа поэтического творчества Рильке – образа художника. Для созидательной личности молчание – это условие зарождения нового слова в поэзии или нового образа в живописи. Однако в данном примере Крамской показан не столько как художник, сколько как человек, а это богатство – быть человеком – невозмож-

¹ Проект выполнен при поддержке гранта Президента РФ МК-2012.

* Доцент кафедры Русского языка как иностранного, кандидат филологических наук.

но переживать в молчании. Посвятив немало времени изучению творчества Крамского, в статье «Основные тенденции в современном русском искусстве» (1902 г.) Рильке отметил такую черту его мастерства, как большую любовь к миру. Такая сильная любовь невозможна без самовыражения, поэто-му границы «молчания» для нее тесны.

Спустя несколько месяцев, в декабре 1900 г., Рильке создает стихотворение на русском языке «Старик», лирическим героем которого является старик, в одиночестве лежащий на печи «в избушке», в то время как «все на полях»:

<...> На печке, как бы спал, лежал старик,
думал о том, чего теперь уж нет, –
и говорил бы, был бы как поэт.
Но он молчит; даст мир ему Господь.

И между сердца своего и рот
пространство, море... уж темнеет кровь,
и милая, красавица любовь
идет в груди больш' тысячи годов
и не нашла себе губы, – и внов
она узнала, что спасенья нет,
что бедная толпа усталых слов,
чужая, мимо проходила в свет [4, с. 633].

Старик-крестьянин молчит, слова, которые находятся в его сердце, не будут высказаны, потому что ото рта их отделяет «пространство». Это пространство, подобное морю, является метафорой молчания, из которого в муках («уж темнеет кровь») рождается поэтическое слово. Антитеза «говорил бы, был бы как поэт – но он молчит» выражает мотив нереализованного творчества, которое было недостижимо в жизни и остается таким сейчас, перед смертью старика. Лирический герой испытывает тоску по невысказанному поэтическому слову, и лишь молчание является пространством для его самовыражения. Внутренний монолог прерывает антропоморфный образ «любви», которая, как и слова, стремится выйти наружу, но «губы» старика закрыты. Само поэтическое слово испытывает чувство усталости и угнетения, живые поэтические слова обезличены в «бедной толпе», они становятся «чужими» и потому недостижимыми. Образ любви перекликается с высказанной в письме С.Н. Шиль мыслью о больших чувствах, которые не могут существовать в границах молчания, тишины. Однако в этом стихотворении любовь остается невысказанной и не может выбраться из молчаливого пространства «между сердцем и ртом» умирающего старика.

Мотив молчания, тишины как среды, сковывающей поэтические порывы души, объединяет и другие русские стихотворения, написанные в апреле

1901 г. – «Я так устал...» и «Я так один...». Лирический герой первого стихотворения, испытывающий болезненное, гнетущее состояние, находится в состоянии глубокого молчания:

Я так устал от тяжбы больных дней
пустая ночь безветренных полей
лежит над тишиной моих очей.
Мой сердце начинал как соловей,
но досказать не мог свой слова;
теперь молчание свое слышу я –
оно растет, как в ночи страх,
темнеет, как последний ах
забытого умершего ребенка [4, с. 634].

В тишину погружено все окружающее пространство: лексические единицы «*безветренные поля*», «*пустая ночь*» создают картину застывшей ночи, в которой не слышно ни звука. В результате чувства хандры и тоски, которое передается наполненными экспрессией лексическими единицами «*тяжба*», «*больной день*» и частицей «*так*», теряется способность к словесной реализации творческих интенций: «*соловьиная песня*» обрывается в «*молчание*», которое прорастает сквозь героя. Это страшное, «*темное*» молчание, сравнимое со смертью, тем более ужасной, что это смерть «*забытого ребенка*». Таким образом, в этом лирическом произведении репрезентирован негативный эмотивный план концепта «*тишина / молчание*» – «препятствие для творческого самовыражения».

Чувство тоски, связанное с невозможностью «*досказать до конца свою песню*», перерастает в следующем стихотворении в общечеловеческую, экзистенциальную тоску:

Я так один. Никто не понимает
Молчанье: голос моих долгих дней,
И ветра нет, который открывает
Большие небеса моих очей... [4, с. 635].

Молчание остается единственным пространством для творчества, но из-за этого молчания лирический герой испытывает чувство безысходного одиночества, непонимания – «*я так один*», «*никто не понимает*». Никто не слышит молчание, которое для художника слова является «*голосом*», вокруг лирического героя «*и ветра нет*», он испытывает состояние поэтической духоты. В этом стихотворении концепты «*молчание*» и «*голос*» объединяются в единую сущность – именно в молчании сокрыт внутренний голос художника.

Ситуация молчания, в которой оказался герой стихотворения «Я так один...», связана с обстоятельствами творческого пути самого автора. Вслед

за всплеском интереса к русскому языку в 1900-1901 г., периодом его активного изучения, написания стихотворений и использования в переписке с А.Н. Бенуа, С.Н. Шиль, Л.О. Пастернаком и С.Д. Дрожжиным наступает период «молчания». Именно эту тенденцию отражает структура концепта «русский язык», репрезентированная в эпистолярном дискурсе Рильке. В 1902 г. он все реже обращается к русскому языку письмах, а впоследствии приходит к мысли о необходимости поиска средств выражения в собственном языке. Из внешней, эксплицированной речи поэта русский язык переходит во внутреннее пространство, в котором зарождаются образы его немецкоязычных произведений, связанных с русской культурой.

Концепт «молчание» категоризирует не только сферу творчества, но и общественно-историческую сторону жизни человека. В письме А.Н. Бенуа от 6 июля 1901 г. возникает метафорический образ России, терпеливо переживающий сложный исторический период: *«Вам, русским, в нынешнем году пришлось испытать много печального! Как я страдал от всех этих неурядиц... Но Россия все вынесет... Великая страдальница немая»* [4, с. 432]. Так поэтически высказался Рильке о событиях 1901 г. (вероятно, речь идет о голоде в Центральной России весной 1901 г., а также студенческих волнениях, которые произошли в крупных городах и сопровождались расправой властей с манифестантами, арестами) [4, с. 428]. Немота России – это переходное состояние, которое помогает вынести трудности и в терпении обрести силу, атрибут смирения и страдания.

Молчание, тишина – это и плодотворная среда для работы, творчества. В письме Н. А. Толстому от 11 января 1902 г. поэт описывает свой *«мирный, только созданный очаг»* в Вестерведе, где он поселился с женой и маленькой дочкой, и сообщает, что живет *«совершенно отстранившись от многоголосого и шумного самодовольства, заполонившего теперь Германию»*. Рильке признается, что вынужден будет покинуть свое убежище, *«чтобы зарабатывать деньги»*. *«Скромный»*, тихий, лежащий среди равнин Вестерведе крестьянский дом противопоставляется шумной, *«многоголосой»* Германии, которая *«одинаковым тоном рассуждает о своих “кабаре” и своих идеалах»* [4, с. 482]. Концепт *«голос»* репрезентирован здесь лексикой с ярко выраженной отрицательной окраской: в многоголосии теряется индивидуальность, слово обезличивается, в речи Германии уже не делаются различия между сферой духовного (*«идеалы»*) и низменного (*«кабаре»*).

Концептуальное единство «молчание – голос» в концептосфере русских произведений Рильке репрезентировано антиномичными смысловыми планами: молчание – это среда для зарождения творческого акта, пространство для осмысления и созидания слова, но в то же время молчание как психофизиологическое состояние делает невозможным выражение художественных образов. Слишком сильное и громкое звучание образует шум – признак бессмысленной суеты и пустоты человеческой жизни, которому противопос-

тавлена тишина домашнего очага. И в то же время голос, песня, художественный образ – это главное предназначение художника, который в своем творчестве выражает любовь к человечеству. Эта особенность идиостила Рильке – единство противоположностей в одном образе, концепте – отличает все его творчество, для понимания которого ключевую роль играет понятие метаморфозы, взаимосвязи всех сфер бытия, в том числе, «молчания» и «голоса».

Список литературы:

1. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
2. Лысенкова Е. Поэзия Р.М. Рильке в русских переводах (исторический аспект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wkzinfo.ru/1870-1904_germ/rilke/lusenкова.shtml.
3. Райнер Мария Рильке и Александр Бенуа / Под ред. К.М. Азадовского. – СПб: «Эгида», 2001. – 269 с.
4. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Сост. К.М. Азадовский. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – 656 с.